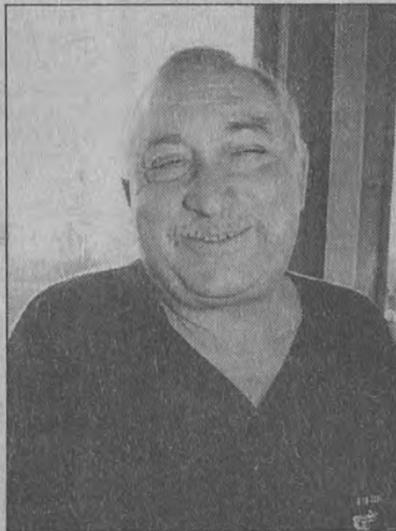

КАК ПОВЕЗЛО “НЕНАЩЕМУ” ПИСАТЕЛЮ ГОРЕНШТЕЙНУ

Недавно в Москву приезжал один из самых известных русских писателей — Фридрих Горенштейн, живущий сейчас в Берлине. Горенштейн не только прекрасный писатель, но и хороший драматург и сценарист. После фильмов “Солярис” и “Раба любви” он стал кумиром прогрессивной части мыслящего человечества, хотя сам этот факт отрицает. Впрочем, похоже, что отрицание собственного успеха именно в России также ему свойственно, как многим — неумеренное и ничем не оправданное сознание собственной значимости.

— Фридрих Наумович, сейчас очень многие возвращаются в Россию. Вы не хотите?

— Зачем мне переезжать? Я бы тут умер с голоду. Ну это я, конечно, фигурально говорю. Вообще никуда не хочу возвращаться. Жил бы в Париже, не хотел бы в Берлин. В Берлине у меня престиж, девятая книга издается. А вот заходил сейчас в московские книжные магазины. Стоит подборка: Войнович, Токарева, Шукшин и так далее. Моих книг нет. Позтому не надо меня причислять к нашим писателям.

— А чей же вы писатель?

— Я принадлежу к той литературе, которая кончилась в тридцатые годы.

— Чем вы сейчас занимаетесь?

— Бездельничаю. Уже несколько месяцев ничего не делаю. Ужасно устал после “Ивана Грозного”, которого я писал семь лет и недавно

вечерне окончил. Это глупость моя была. Шекспир писал о многих королях, а я — только об одном. Я начал все больше и больше погрязать в теме, а этого делать нельзя. Но мне трудно было отказаться от этой работы. Так семь лет и ухлопал. Но пока я “Грозного” в России публиковать не буду: не знаю, осияет ли.

— Только этот роман или вообще все?

— Да нет, почему же все. Скоро в Петербурге выйдет мой двухтомник. В журнале “Дружба народов” — повесть “Муха у капли чая”. О борьбе между мужчиной и женщиной.

— А что, обязательно должна быть борьба?

— Не должна, но существует. Есть такие женщины-хищницы, которые притворяются слабыми жертвами. А на самом деле жертвы — это мужчины. Вот и Чехов от такой пострадал. И Тарковский...

— Вы с таким чувством говорите. Невольно кажется, что и вы...

— У меня было два неудачных брака. Женщина часто не любит, а живет. Мужчина, если не любит, уходит. Я вот когда работал над этой повестью, читал “Домострой”.

Православная церковь очень негативно относится к женщине. И тем не менее самое драгоценное — это хорошая женщина. Но получить ее — это лотерея.

— А вам в конечном итоге повезло?

— Нет. Я вообще невезучий человек. С самого начала. Всего добиwaюсь вопреки невезению.

— А с кино как дела обстоят? Уж после “Рабы любви” и “Соляриса” проблем у вас быть не должно.

— Мне уже много лет не дают работать. Тарковский умер. Семен Аранович умер. Работать не с кем. Вот сейчас хочет один молодой режиссер, но у него нет денег. Ко мне очередь не стоит. Хотя я бы мог, конечно, сделать много интересного в кино. Да и пьесы мои почему-то нигде не идут, только в Малом театре. Я вообще настроен сейчас склонно: хочу рассчитаться со всеми.

— А стоит ли это того?

— Стоит! Я знаю причины, по которым моя личная судьба в России не сложилась. И благодаря интеллигенции в особенности. Я злой, вот теперь я буду злой.

— Как-то все очень печально получается. Ну хоть какое-нибудь утешение есть?

— А разве не утешение, что то, чего хотел, я сделал? Я живу, я пишу, я практически здоров. Это самое главное...

Анна КОВАЛЕВА.
Фото Анатолия БЕЛЯСОВА.

Мое, как писатель - 1997 - 10 абт. - с. 3.